

УДК 323.22/28

Самоэффективность в контексте политического участия: российские и зарубежные исследования

Альшанский Данил Дмитриевич

Аспирант,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
115054, Российская Федерация, Москва, Стремянный пер., 36;
e-mail: danilidze24@gmail.com

Аннотация

В данной статье представлен обзор отечественных и зарубежных исследований связи между политическим участием (как в оффлайн-формате, так и онлайн-формате) и политической самоэффективностью. Несмотря на важность самоэффективности для развития активного политического поведения, изучению данного феномена в российской науке уделяется мало внимания. Ввиду этого целью работы является анализ и синтез существующих исследований и выявление научных лагун в рамках этой темы. Отдельно указывается, какой эффект оказало развитие Интернета на концепт политического участия, упростив процесс воздействия на политическую систему. В заключение делается вывод о наличии следующих ограничений, существующих в исследованиях связи политической самоэффективности и участия: концептуальная путаница и использование различных типологий внутренней самоэффективности, затрудняющих сравнение и генерализацию исследований, а также фокусирование на изучении западных стран, что также усложняет обобщение результатов.

Для цитирования

Альшанский Д.Д. Самоэффективность в контексте политического участия: российские и зарубежные исследования // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 1А. С. 28-37.

Ключевые слова

Политическое участие, политическая самоэффективность, внутренняя самоэффективность, внешняя самоэффективность, онлайн-участие.

Введение

Устойчивое развитие и эффективное функционирование политической системы достигается за счет формирования механизма двустороннего взаимодействия общества и государства. В основе этого механизма лежат желание и возможности граждан участвовать в политической жизни страны. Решение людей выступать актором в политическом процессе и выбор конкретной формы участия могут зависеть от разнообразных факторов, среди которых особое место принадлежит политической самоэффективности.

Актуальность данного исследования объясняется тем, что в современной международной науке феномен политической самоэффективности активно изучается учеными из разных стран. Однако в России ему уделяется недостаточно внимания, несмотря на значимость для политического поведения [Сариева, 2019]. Более того, в литературе, посвященной взаимосвязи политической самоэффективности и политического участия, существуют противоречия в эмпирических результатах. Выводы различаются не только в контексте разных стран, форм участия и самоэффективности, но порой и в исследованиях с идентичным академическим фокусом.

Цель данного исследования – анализ существующих российских и международных работ о взаимосвязи между политической самоэффективностью и участием в политической жизни, а также выявление недостатков и нерешенных вопросов в рамках этой темы.

Политическая самоэффективность

Концепция самоэффективности была введена А. Бандурой в рамках социально-когнитивной теории [Bandura, 2000]. Это понятие связано с уверенностью человека в своих силах влиять на различные процессы. Она делится на общую и специфическую, к последней и относится политическая самоэффективность.

Во второй половине XX века в работе «The voter decides» политическая самоэффективность - личная убежденность индивида в своей способности воздействовать на политические процессы - была выделена как важный фактор, влияющий на активность граждан в политической жизни [Campbell et al., 1954].

В ранних исследованиях, преимущественно количественных, конструкт политической самоэффективности применялся в целях разделения граждан на тех, кто считал, что политика представляет собой сложную сферу, на которую повлиять обычным людям не под силу, и тех, кто способен понимать сущность происходящих политических процессов и может воздействовать на них.

В этих исследованиях политическая самоэффективность рассматривалась в качестве единой неделимой концепции, однако затем Э. Мюллер предположил, что она включает в себя 3 измерения:

- 1) заинтересованность политикой, которая проявляется в чтении новостей, политических фактов и т.д.;
- 2) вера в то, что кто-то способен изменить сложившиеся порядки или принять участие в политике;
- 3) предположения людей о том, что правительство будет или не будет решать их проблемы [Scotto, Xena, 2015, 301].

М. Розенберг на основе проведенного им в середине прошлого столетия исследования также

определил, что люди не хотят обсуждать политику из-за своей низкой осведомленности и из-за того, что не верят в свою способность оказывать на нее влияние, а не участвуют в политической жизни страны из-за того, что они думают, что правительство не отвечает на требования и нужды социума [Scotto, Xena, 2015, 301]. Это дихотомическое разделение заложило основу для определения двух видов политической самоэффективности: внутренней и внешней. Первый концепт, внутренняя самоэффективность, отражает уверенность граждан в своих способностях влиять на политику, а второй – внешняя – веру в то, что власть будет прислушиваться к населению и отвечать на их вызовы [Scotto, Xena, 2015]. Кросс-национальные исследования показывают, что понятия не взаимозаменяемы. Несмотря на это, как отмечает Х. Кларк, между ними присутствует сильная корреляция, при этом связь не является стабильной и зависит от различных факторов [Clarke, Ascock, 1998]. Автор предполагает, что в демократических системах может отсутствовать отрицательная корреляция: если участие в политическом процессе не приводит к ожидаемому результату, это скорее воспринимается как личная неудача, а не как результат безразличия системы. В результате внутренняя уверенность в собственных силах может уменьшиться, но это не обязательно приведет к снижению внешней самоэффективности. В авторитарных государствах же логика корреляции и вовсе нарушается. Успешное участие может восприниматься исключительно как собственная заслуга вопреки безразличной системе, а неуспешное – как особенность не личности, а политического контекста.

Различные исследования трактуют внутреннюю самоэффективность по-разному, что создает сложности при обобщении. Она, с одной стороны, включает в себя уверенность индивида в том, что он обладает достаточными знаниями о политике, чтобы оказывать на нее влияние (информационная самоэффективность). С другой стороны — уверенность в способности использовать собственные ресурсы, чтобы повлиять на политические решения (личная политическая самоэффективность). Определить, какой именно вид самоэффективности рассматривается в работе, зачастую можно только с помощью операционализации концепта.

Для измерения уверенности граждан в своих способностях повлиять на принятие различных властных решений учеными могут использоваться различные метрики. Обычно для их формирования используется *Likert scale*, которая позволяет оценить степень согласия или несогласия с определенным рядом суждений [Сариева, 2019, 3]. В опросниках в рамках данного подхода исследователями может выявляться оценка граждан по отношению к двенадцати суждениям. При этом подобные способы измерения политической самоэффективности подвергаются критике за то, что не позволяют определить реальный уровень политической самоэффективности, из-за чего в современной политической науке учеными предлагаются свои методики, что создает проблему обобщения исследований [Сариева, 2019].

На самоэффективность могут оказывать влияние различные факторы. Среди основных исследователи выделяют индивидуальные, такие как социально-экономический статус, знания, личностные психологические черты. Так, мужчины и образованные люди с высоким доходом более склонны к высокому уровню политической самоэффективности. Также немаловажную роль играет опыт индивида в политической и общественной активности. Эффект могут иметь также медиа и социально-политический контекст: институциональная структура, режимные характеристики [Сариева, 2019]. Авторы указывают на положительную связь самоэффективности с чтением новостей, а отрицательную — с количеством партий в парламенте и безработицей. Однако большинство работ, посвященных политической самоэффективности, рассматривают связь между этим феноменом и различными видами политического участия [Сариева, 2019, 7].

Политическое участие

Толчком к изучению политического участия послужили труды Г. Алмонда и С. Вербы, в которых рассматривался феномен политической культуры, влияющей на политическую активность граждан, и работы С. Хантингтона, посвященные теории политической модернизации (к примеру, The «Political Modernization of Traditional Monarchies»).

До появления данных работ политическое участие концептуально ограничивалось выборным участием, однако после в него начали включать все возможные формы участия в политике [Евстафьев, 2015]. К традиционному голосованию добавляется помощь в деятельности партий, а затем помощь в проведении избирательных кампаний. Под политическим участием понимается активное действие, связанное с политической сферой, но при этом осуществляемое непрофессионалами. Его целями принято считать формулирование и выражение собственных интересов, изменение политического порядка и институтов.

Палитра политического участия расширяется за счет коммуникации граждан с политическими субъектами, например, обращений, петиций, встреч и мероприятий. Затем к институциональному и формальному участию добавляется неконвенциональное, к примеру, протесты, в том числе и насильственные. С течением времени конвенциональное и нетрадиционное участие конвергирует, появляются новые формы.

Появление Интернета позволило рассматривать его в качестве инструмента, создающего новые возможности для участия граждан в политике за счет формирования уникальной виртуальной среды. Это расширило концепцию политического участия, добавив к существующим оффлайн формам новые, протекающие в онлайн-формате. Возникли теории о появлении новой политической среды, в которой люди определяют развитие системы путем прямого голосования [Volodin et al., 2020], или же новой цифровой бюрократии на базе «электронного правительства» [Коньков, 2019]. Фундаментальной в этом контексте является книга Л. Гроссмана «Электронная республика: изменение демократии в век информации». В ней утверждается, что электронными технологиями создаются новые возможности для участия граждан в политической жизни [Grossman, 1995].

Труд Гроссмана поделил научное сообщество на тех, кто считает, что Интернет имеет положительное влияние на развитие политической активности (А. Коррадо, Ч. Файрстоун и др.), и тех, кто придерживается мнения, что Интернет негативно влияет на участие граждан (Р. Патнэм, Р. Дэвис, П. Шварц и др.). В настоящий момент единое объяснение роли Интернета в политической жизни общества отсутствует [Зазнаев, Авзалова, 2019]. Дискуссия привела к обогащению теорий, объясняющих факторы, влияющие на политическое участие.

Так, одной из самых популярных теорий, объясняющих действия граждан в эпоху Интернета, является теория запланированного поведения. В ней поведение граждан обуславливают образование, возраст, пол, доход, информационные (знания, медиа) и индивидуальные факторы (опыт, ценности). В контексте возраста общество разделяется на две группы: те, кто родились в период цифровизации (и соответственно, они более расположены к тому, чтобы использовать Интернет-технологии); и те, кто родились до расцвета цифровых технологий. В контексте гендерной дихотомии устанавливается, что мужчины предпочитают онлайн-формат участия, привязывая свой выбор к инструментальной ценности (право влиять), в то время как у женщин это связано с "внутренней" ценностью (получить образование, информацию). На онлайн-участие влияет и социально-экономическое положение: люди с низким уровнем образования чаще используют Интернет для того, чтобы развлекаться, а с

высоким – для того, чтобы участвовать в политике и получать знания и информацию.

В рамках данной теории на поведение граждан также оказывают влияние отношение к поведению, субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль, который отождествляют с самоэффективностью. Связано это тем, что воспринимаемый поведенческий контроль операционализируется тем же образом [van den Berg, 2021].

Политическая самоэффективность и политическое участие

Так как теоретически политическая самоэффективность является одним из основных предикторов политического поведения граждан, это позволяет утверждать, что между ними есть связь. Трудности возникают лишь с определением характера и особенностей этой связи.

На этапе теоретизирования корреляция между концептами политического участия и самоэффективности может проявляться следующим образом:

1) стимуляция участия: индивиды, обладающие высоким уровнем политической самоэффективности склонны участвовать в политике, так как верят, что их действия могут повлиять на политические решения;

2) разнообразие участия: люди с высокой политической самоэффективностью включены в большее число форм политического участия;

3) долгосрочное участие: политическая самоэффективность может быть связана с долгосрочным участием в политике. Люди, уверенные в своей способности влиять, могут быть более постоянными участниками, чем те, кто имеет низкий уровень политической самоэффективности.

Также стоит отметить, что связь может носить обратный характер: опыт политического участия способен повлиять на уровень политической самоэффективности. Положительный опыт, к примеру, электоральная поддержка кандидата, который одерживает победу, или отправка обращения чиновнику, которая привела к решению проблемы, повысит веру индивида в то, что он способен повлиять на политику, а также в то, что власть реагирует на интересы граждан, и наоборот.

Однако эмпирические исследования не всегда сходятся с теоретическими изысканиями. Рассмотрим эмпирические работы, посвященные связи политической самоэффективности с традиционным и онлайн участием.

Связь с традиционным политическим участием

Так, в части исследований говорится о том, что чем выше внутренняя самоэффективность людей, тем охотнее они будут принимать участие в политической деятельности. Дж. Рис, например, изучает факторы, которые повышают вероятность участия граждан в местной экологической инициативе по борьбе с климатическими изменениями, и устанавливает, что внутренняя политическая самоэффективность является одним из ключевых [Rees, Bamberg, 2014].

При этом в других исследованиях делается вывод, что связь между внутренней политической самоэффективностью и политическими действиями не столь понятна. Например, Н. Тауш и Дж. Беккер отмечали, что уверенность в своих способностях повлиять на политику по-разному проявляет себя в контексте конвенциональных – соответствующих установленным социальным нормам и законам в обществе – и неконвенциональных формах гражданского

участия. Так, они указывали, что политическая самоэффективность положительно связана только с нормативными формами участия, а для ненормативных форм характерен отрицательный характер связи [Becker, Tausch, 2015].

М. Хуг и С. Мариен также, анализируя результаты Европейского социального исследования в 25 странах и включая в модель переменную политического доверия, заключили, что положительная связь наблюдается только между политической самоэффективностью и институциональными формами участия. Неинституциональные формы же негативно ассоциированы с политической самоэффективностью [Hooghe, Marien, 2013].

Анализируя участие граждан Испании в выборах и протестах, А. Галлиго и Д. Оберски пришли к иным выводам. Они заключили, что внутренняя политическая самоэффективность положительно и сильно связана с обоими формами [Gallego, Oberski, 2012]. Х. Кларк, анализируя голосование на национальных американских выборах, обнаружил, что связь сильнее для внутренней, а не внешней самоэффективности [Clarke, Acock, 1998].

Расхождения в выводах предыдущих работ по данной теме указывают на существующую проблему неоднозначности характера связи политической самоэффективности и оффлайн-участия.

Связь с онлайн-участием

Политическая самоэффективность также может быть связана и с активностью, протекающей в виртуальной среде [Сариева, 2019, 8]. При этом работ, посвященных изучению связи политической самоэффективности и онлайн-форм политического участия, гораздо меньше, чем исследований, в которых анализируется связь с традиционным участием. Примечательно, что в некоторых из этих работ исследователи на основе анализа различных кейсов делают противоположные выводы о наличии и характере связи между феноменами.

Например, Б. Кимом по результатам анализа социологических исследований, проведенных Национальным научным фондом в США, было установлено, что с онлайн-участием в большей степени связана внутренняя политическая самоэффективность, нежели внешняя, при этом связь положительная [Kim, 2015].

При этом более раннее исследование Дж. Строммер-Геллей с результатами опроса в США в качестве данных обнаруживает, что политическая самоэффективность, без разделения на подвиды, отрицательно связана с политическим онлайн-участием [Stromer-Galley, 2002].

Еще один отличный от предыдущих вывод получает Ц. Жу, анализируя результаты опроса, проведенного в Гонконге. Исследование, проведенное в незападном контексте, демонстрирует отсутствие связи: ни внешняя политическая самоэффективность, ни внутренняя не связаны с политическим участием в Интернете [Zhu et al., 2017]. Данный результат можно объяснить, предположив следующее:

- граждане могут воспринимать онлайн-участие несерьезно, как имитацию оффлайн-участия, не имеющую реального эффекта;
- эффективность и польза онлайн-участия кажется более низкой за счет меньшего объема затраченных для участия ресурсов;
- граждане могут предполагать, что политическая система активнее реагирует на деятельность граждан, осуществляемую в оффлайн-формате, так как она является для нее и для граждан более заметной и существенной по последствиям. В таком случае люди не будут присваивать себе успехи онлайн-участия и замечать свою способность влиять

на политику с его помощью [Grinson et al., 2022].

Отсутствие общего взгляда на проблему наличия и характера связи между двумя этими феноменами может быть связано с тем, что ученые в своих исследованиях акцентируются на рассмотрении только одного кейса.

Это ограничение стремились преодолеть А. Гринсон и др. в исследовании 2022 года и М. Пратс и А. Менье в 2021 году [Grinson et al., 2022; Prats, Meunier, 2021].

А. Гринсон и др. провели многоуровневый метаанализ случайных эффектов, закодировав 48 опросных исследований, посвященных внутренней политической самоэффективности и участию в выборах с 2000 по 2016 год. Результаты показали положительную связь между онлайн- и оффлайн-участием и внутренней политической самоэффективностью.

Однако данная работа не позволяет полностью разрешить научную проблему, касающуюся выявления связи между политической самоэффективностью и онлайн-участием в политике. Это обусловлено тем, что Гринсон и др. анализируют исследования, в которых политическая самоэффективность и ее виды операционализируются различными способами. Также в анализируемых исследованиях используются различные формы политического участия, из-за чего генерализировать полученные результаты достаточно проблематично.

М. Пратс и А. Менье также включили в исследование несколько кейсов. Они изучали связь между различными типами политической самоэффективности и онлайн-участием в 30 государствах. Внутренняя политическая эффективность, как продемонстрировали авторы, оказалась положительно связана с любыми формами политического участия, в том числе и онлайн. Однако, в их работе рассматривались страны Европы, каждая из которых обладает своими особенностями, которые не принимались во внимание при проведении исследования. Из-за того, что в анализ не включались фиксированные эффекты на страны, данное исследование также нельзя считать исчерпывающим.

Таким образом, в научной среде проблема, связанная с влиянием политической самоэффективности на политическое участие в онлайн-формате, все еще остается актуальной, требующей дальнейшего изучения с целью преодолеть ограничения предыдущих исследований.

Заключение

Политическая самоэффективность – концепт, описывающий убеждение индивида в своей способности влиять на политические процессы. Политическое участие, в свою очередь, отражает активность граждан в политической жизни общества. Вопрос об их взаимосвязи является центральным в контексте изучения того, как формируется политическая активность населения.

Значимость данной работы состоит в проведенном анализе мировой и отечественной литературы, который позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие обширного количества зарубежных исследований, по-прежнему остаются лакуны в контексте взаимосвязи политической самоэффективности и политического участия.

Данное исследование демонстрирует, что эмпирические результаты ряда предыдущих работ противоречивы как в случае изучения связи политической самоэффективности с оффлайн-участием, так и в случае политического участия в онлайн-формате. Среди проблем можно назвать концептуальную путаницу и использование различных типологий внутренней самоэффективности, затрудняющее сравнение и обобщение исследований. Авторы склонны фокусироваться на западных странах, лишь некоторые работы опираются на данные из стран

Азии, и единицы посвящены постсоветскому пространству. Более того, чаще всего исследования носят страновой характер и не позволяют генерализировать результаты.

Решение данных проблем на теоретическом и практическом уровнях могло бы позволить посмотреть на вопросы абсентеизма и политической пассивности граждан под другим углом в рамках политической самоэффективности, которая является одним из основных факторов политического участия.

Библиография

1. Евстафьев В.А. Категория политического участия в зарубежной и отечественной политической науке // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 1. С. 1-7.
2. Зазнаев О.И., Авзалова Э.И. Проблема взаимосвязи Интернета и политики в современных отечественных исследованиях // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 2. С. 91-106.
3. Коньков А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 6. С. 6-28.
4. Сариева И. Р. Политическая самоэффективность: теоретические подходы и актуальные исследования // Психологические исследования. 2019. № 12(64). С. 1-15.
5. Bandura A. Exercise of human agency through collective efficacy // *Current Directions in Psychological Science*. 2000. № 9(3). P. 75-78.
6. Becker J. C., Tausch N. A dynamic model of engagement in normative and non-normative collective action: Psychological antecedents, consequences, and barriers // *European Review of Social Psychology*. 2015. Vol. 26. P. 43-92.
7. Campbell A., Gurin G., Miller W. *The Voter Decides*. – Evanston, IL: Row, Peterson & Co, 1954, 254 p.
8. Clarke H., Acock A. National Elections and Political Attitudes: The Case of Political Efficacy // *British Journal of Political Science*. 1998. Vol. 19. № 4. P. 551-562.
9. Gallego A., Oberski D. Personality and political participation: the mediation hypothesis // *Political Behavior*. 2012. Vol. 34. № 3. P. 425-451.
10. Grinson A., Oser J., Boulianne S., Halperin E. How Political Efficacy Relates to Online and Offline Political Participation: A Multilevel Meta-analysis // *Political Communication*. 2022. Vol. 39. P. 607-633.
11. Grossman L. K. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. – N. Y.: Viking Penguin, 1995. 290 p.
12. Hooghe M., Marien S. A. Comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe // *European Societies*. 2013. Vol. 15. № 1. P. 131-152.
13. Kim B.J. Political efficacy, community collective efficacy, trust and extroversion in the information society: Differences between online and offline civic/political activities // *Government Information Quarterly*. 2015. № 32(1). P. 43-51.
14. Van den Berg A. Participation in Online Platforms: Examining Variations in Intention to Participate across Citizens from Diverse Sociodemographic Groups // *Perspectives on Public Management and Governance*. 2021. Vol. 4. P. 259-276.
15. Volodin A., Ivanov M., Sokolitsyn A. Modern social and political challenges and mechanisms of their leveling using advanced digital technologies // *ACM International Conference Proceeding Series*. Saint – Petersburg. 2020. P. 3444478.
16. Prats, M., Meunier A. Political efficacy and participation: An empirical analysis in European countries // *OECD Working Papers on Public Governance*. 2021. № 46. P. 1-23.
17. Rees J. H. Bamberg, S. Climate protection needs societal change: Determinants of intention to participate in collective climate action. *European Journal of Social Psychology*. 2014. Vol. 44. P. 466-473.
18. Scotto T. J., Xena C. Efficacy, political // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* (Second Edition). 2015. P. 301-307.
19. Stromer-Galley J. New Voices in the Public Sphere: A Comparative Analysis of Interpersonal and Online Political Talk // *Journal of the European Institute for Communication and Culture*. 2002. № 9(2). P. 23-41.
20. Zhu Q., Skoric M., Shen F. I shield myself from thee: Selective avoidance on social media during political protests // *Political Communication*. 2017. № 34(1). P. 112-131.

Self-efficacy in the context of political participation: Russian and foreign studies

Danil D. Al'shanskii

PhD Student,
Plekhanov Russian University of Economics,
115054, 36 Stremyanny per., Moscow, Russian Federation;
e-mail: danilidze24@gmail.com

Abstract

This article provides a review of domestic and foreign studies on the relationship between political participation (both offline and online) and political self-efficacy. Despite the importance of self-efficacy for the development of active political behavior, this phenomenon has received limited attention in Russian academic research. The study aims to analyze and synthesize existing research while identifying knowledge gaps in this field. Special attention is given to the impact of the Internet on the concept of political participation, which has simplified the process of influencing the political system. The conclusion highlights several limitations in current research on the relationship between political self-efficacy and participation: conceptual ambiguity, the use of different typologies of internal self-efficacy (hindering comparability and generalization of findings), and a predominant focus on Western countries, which complicates the extrapolation of results.

For citation

Al'shanskii D.D. (2025) Samoeffektivnost' v kontekste politicheskogo uchastiya: rossiyskie i zarubezhnye issledovaniya [Self-efficacy in the context of political participation: Russian and foreign studies]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (1A), pp. 28-37.

Keywords

Political participation, political self-efficacy, internal self-efficacy, external self-efficacy, online participation.

References

1. Evstafev, V.A. (2015) Kategoriya politicheskogo uchastiya v zarubezhnoi i otechestvennoi politicheskoi nauke [The Category of political participation in foreign and domestic political science]. In: *Vestnik Polesskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Obshchestvennykh i Gumanitarnykh Nauk*, 1, pp. 1-7.
2. Zaznaev, O.I., Avzalova, E.I. (2019) Problema vzaimosvyazi Interneta i Politiki v Sovremennykh Otechestvennykh Issledovaniyakh [The problem of the relationship between the Internet and politics in modern domestic research]. In: *Politicheskaya Ekspertiza: POLITEKS*, 15(2), pp. 91-106.
3. Kon'kov, A. E. (2019) Tsifrovizatsiya politicheskikh otnoshenii: grani poznaniya i mekhanizmy transformatsii [Digitalization of political relations: edges of knowledge and mechanisms of transformation]. In: *Kontury Global'nykh Transformatsii: Politika, Ekonomika, Pravo*, 12(6), pp. 6-28.
4. Sarieva, I. R. (2019) Politicheskaya samoeffektivnost': teoreticheskie podkhody i aktu al'nye issledovaniya [Political self-efficacy: theoretical approaches and current research]. In: *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 12(64), pp. 1-15.
5. Bandura, A. (2000) Exercise of human agency through collective efficacy. *Current Directions in Psychological Science*, 9(3), pp. 75-78.
6. Becker, J. C., Tausch, N. (2015) A dynamic model of engagement in normative and non-normative collective action:

-
- Psychological antecedents, consequences, and barriers. *European Review of Social Psychology*, 26, pp. 43-92.
7. Campbell, A., Gurin, G., Miller, W. (1954) *The Voter Decides*. Evanston, IL: Row, Peterson & Co.
 8. Clarke, H., Acock, A. (1998) National Elections and Political Attitudes: The Case of Political Efficacy. *British Journal of Political Science*, 19(4), pp. 551-562.
 9. Gallego, A., Oberski, D. (2012) Personality and political participation: the mediation hypothesis. *Political Behavior*, 34(3), pp. 425-451.
 10. Grinson, A., Oser, J., Boulianne, S., Halperin, E. (2022) How Political Efficacy Relates to Online and Offline Political Participation: A Multilevel Meta-analysis. *Political Communication*, 39, pp. 607-633.
 11. Grossman, L. K. (1995) *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. N. Y.: Viking Penguin.
 12. Hooghe, M., Marien, S. A. (2013) Comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe. *European Societies*, 15(1), pp. 131-152.
 13. Kim, B. J. (2015) Political efficacy, community collective efficacy, trust and extroversion in the information society: Differences between online and offline civic/political activities. *Government Information Quarterly*, 32(1), pp. 43-51.
 14. Van den Berg, A. (2021) Participation in Online Platforms: Examining Variations in Intention to Participate across Citizens from Diverse Sociodemographic Groups. *Perspectives on Public Management and Governance*, 4, pp. 259-276.
 15. Volodin, A., Ivanov, M., Sokolitsyn, A. (2020) Modern social and political challenges and mechanisms of their leveling using advanced digital technologies. *ACM International Conference Proceeding Series*, pp. 3444478.
 16. Prats, M., Meunier, A. (2021) Political efficacy and participation: An empirical analysis in European countries. *OECD Working Papers on Public Governance*, 46, pp. 1-23.
 17. Rees, J. H. Bamberg, S. (2014) Climate protection needs societal change: Determinants of intention to participate in collective climate action. *European Journal of Social Psychology*, 44, pp. 466-473.
 18. Scotto, T. J., Xena, C. (2015) Efficacy, political. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*, pp. 301-307.
 19. Stromer-Galley, J. (2002) New Voices in the Public Sphere: A Comparative Analysis of Interpersonal and Online Political Talk. *Journal of the European Institute for Communication and Culture*, 9(2), pp. 23-41.
 20. Zhu, Q., Skoric, M., Shen, F. (2017) I shield myself from thee: Selective avoidance on social media during political protests. *Political Communication*, 34(1), pp. 112-131.